

РОМАН КУЗНЕЦОВ

Когда смеется Кутх

КНИГА ВТОРАЯ. ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Роман Кузнецов

**Когда смеется Кутх. Книга
вторая. Часть первая**

«Издательские решения»

Кузнецов Р.

Когда смеется Кутх. Книга вторая. Часть первая / Р. Кузнецов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855864-1

Лето 2014-го. На Украине смута. На Донбассе война. Кровь, боль, страдание, плач матерей — идеальные условия для возрождения древнего кровавого культа. Три могучих колдовских дома объединились с этой целью. Можно ли практически в одиночку, с двумя едва оперившимися учениками, бросить вызов великим колдунам? Разумно ли ввязываться в драку без шансов на успех? Откажись — никто не узнает, отступи — никто не осудит, но долг и честь не оставляют иного выбора.

ISBN 978-5-44-855864-1

© Кузнецов Р.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

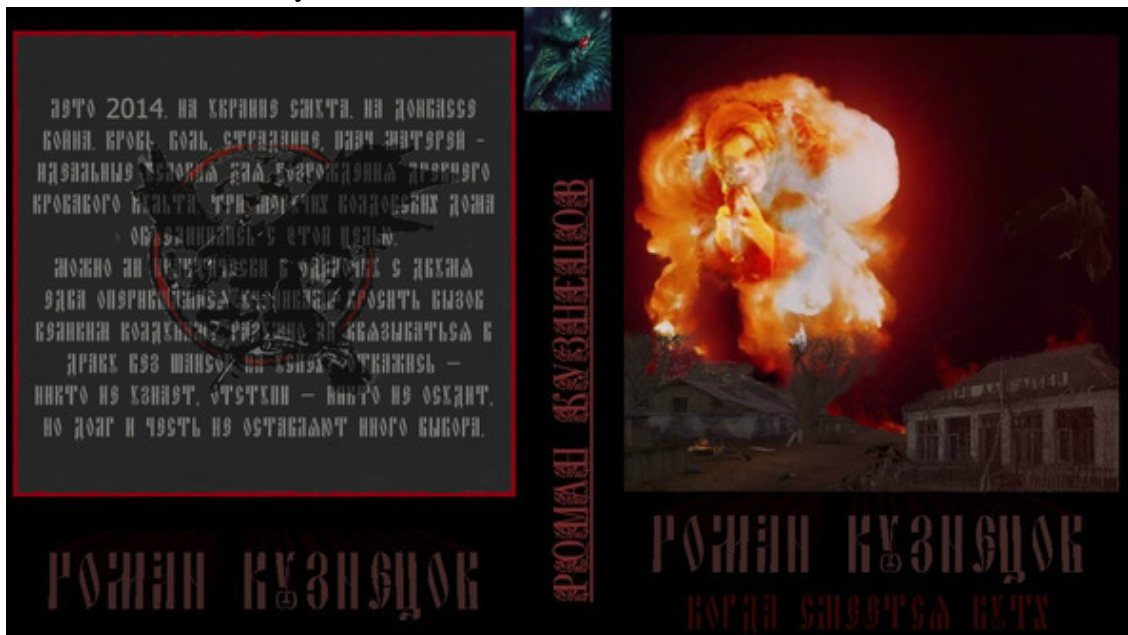
Когда смеется Кутх Книга вторая. Часть первая

Роман Кузнецов

© Роман Кузнецов, 2017

ISBN 978-5-4485-5864-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

Вы были на Донбассе летом 2014 года? Нет? А автор был, и знает о тех волнующих событиях не из сообщений СМИ и рассуждений диванных стратегов интернет-блоггеров. Изложенную им трактовку вряд ли когда-либо изложат в учебниках. Колдуны, вампиры, магия, интриги, заговоры, древние кровавые культы... Продажные политики и их реальные кукловоды, скрытые рычаги управления, власть тайная, непроявленная, о которой никогда не расскажут по телевизору, не напишут в газетах, но это не значит, что её не существует. И если хорошенько приглядеться, то вдумчивый читатель сумеет разглядеть уши сущности, скрытые за маскировочными сетями цифровой реальности.

В основе данной книги лежат реальные события, хотя и изложенные под весьма необычным углом зрения. Тот, кто там был, тот сможет отделить зерна правды от плевел вымысла, а кто не был, тот просто улыбнется, благо юмора в книге предостаточно. Вас ждут увлекательные приключения, погони, схватки, могущественные колдуны, пытающиеся возродить древний кровавый культ, чтобы установить господство над миром, бросившие им вызов волхвы, вампиры, ведьмы. Любовь, дружба, боевое братство, долг, честь, предательство, кровь, боль, смех, радость, надежда, разочарование, отчаяние, жажда жизни – всему найдется место на страницах этой книги. Читайте, смейтесь, радуйтесь, наслаждайтесь, думайте.

Ну и конечно, все герои вымышлены, возможные совпадения случайны. Приятного Вам прочтения.

Пролог

У народов российского севера есть весьма примечательная традиция: когда охотников или рыбаков уносит на оторвавшейся льдине в открытый океан, или возникает какая-либо другая ситуация, когда становится очевидно, что гибель неизбежна, охотники встают спиной друг к другу и рассказывают друг другу веселые истории из жизни Кутха – великого Ворона. Так мужчины встречают смерть, смеясь ей в лицо...

Глава 1

Утро выдалось промозглым и пасмурным. Всю ночь дул холодный северный ветер и пригнал черные мокрые тучи, которые разорвали в клочья и вытеснили ошметки перистых облаков и теперь недобро смотрели вниз, изредка поблескивая далекими зарницами. В такие дни в душу частенько забирались кошки и начинали там скрестись и ворочаться, вызывая беспричинную грусть и тоску. Хочется, как в юности, заболеть чем-нибудь неопасным, вроде легкой простуды, и остаться дома, забравшись под тёплое одеяло с очередной бессмысленной книжкой, и пить горячий ароматный чай с медом из большой кружки, заедая вкусным шоколадом...

Бригадир стоял у наглухо закупоренного еще с зимы окна и наблюдал через пыльное стекло за тщетными попытками сизых от натуги туч выдавить из себя хоть несколько капель дождя. Где-то в глубине души он ждал ливня и, стараясь отодвинуть неизбежность, надеялся, что Рахман отложит Испытание еще хотя бы на один день. Бригадир сам стыдился свои трусливых мыслей, гнал их прочь, повторяя про себя, что он сам искал Испытания и сам торопил Рахмана. Все дело в том, что он уже просто не может жить как раньше. События, пережитые там, в горах, навсегда изменили его сознание. Привычная картина мира поплыла и свернулась, как бумага в огне. Вязкое колдовское пламя слизало будничные краски, и на обожженном пергаменте проступили древние, полустертые, забытые, а, скорее всего, тщательно затушеванные письмена. Его новый друг и, как оказалось, наставник Рахман показал, как их можно узреть и даже правильно прочитать. Он на короткое время откинул полог материальных иллюзий, приоткрыв вход в волшебный мир Богов, Демонов и магов, поманил тайным знанием и новыми горизонтами, но переступить через порог не позволил, заявив, что ему нужны не просто ученики, а соратники, и что Боги не позволяют взять с собой людей, не прошедших Испытание. Сути Испытания Рахман не рассказал, но предупредил, что это не просто обряд, а смертельно опасный обряд. И это не просто громкие слова. Это реальность, игра со смертью, в которой кости бросают Боги. Назад дороги не будет. Из капища есть только два выхода – смерть и послушание. Третьего не дано.

Как и полагается, учитель дал время на обдумывание, но для Бригадира это было лишь формальностью. Он уже давно решил идти до конца, и не в его правилах было сворачивать с избранного пути. Паук тоже долго не колебался. Прикоснувшись к Тайне, он просто не мог отказаться от ее познания. Поэтому в положенный час и Бригадир и Паук ответили решительным согласием. Рахман не удивился такому исходу. Для порядка он еще дважды попробовал отговорить их от опасной авантюры, пугая разного рода жуткими историями и неумело расписывая прелести спокойной, сытой современной жизни. Получив отрицательный ответ, он приступил к подготовке. Довольно долго Бригадир и Паук постились, занимались медитациями, дыхательными практиками и специальной гимнастикой. Рахман ежедневно поил их какими-то отварами разной степени вкусовой отвратительности и вони, окуривал разноцветными

дымами, заставлял подолгу стоять в ледяной воде, вводил в трансовые состояния. Он поднимал из темных глубин подсознания самые жуткие, самые потаенные страхи, кошмары и воспоминания и с маниакальным упорством закоренелого садиста заставлял переживать их снова и снова. Это было мучительно и невыносимо больно. Бригадир частенько был на грани помешательства и даже несколько раз бросался на Рахмана, желая уничтожить источник своих мучений, но каждый раз после этого решительно отвергал все предложения по остановке процесса подготовки и умолял продолжить обучение. Примерно тоже переживал и Паук. Он похудел еще больше. Кожа обтянула череп так, что стали видны все жилки. Глаза запали, губы распухли, потрескались и покрылись коркой от постоянных прокусываний до крови. Правый глаз начал непроизвольно дергаться, создавая весьма комическое сочетание возвышенно-страдальческого выражения лица с пошловато-заговорщеским подмигиванием. Он даже стал немного заикаться, но от Испытания не отказался. И вот позавчера Рахман заявил, что процесс подготовки к Испытанию почти завершен. Ему было знамение, и через пару дней ответит их на капище. Наставник запер своих учеников в комнате общежития, запретив им есть и пить, а сам ушел, обещав появиться сегодня утром. И вот уже скоро полдень, а его все нет.

– Как ты думаешь, что он нам приготовил? – раздался из-за спины голос Паука. Он забрался с ногами на кресло, спрятался под старым клетчатый пледом и старательно делал вид, что дрожит от холода.

– Не знаю, – ответил Бригадир, не поворачивая головы, – от него всего можно ожидать, но я думаю, что что-то в стиле викингов. Ну, там, по углям пройти или камень раскаленный в руках подержать.

– Тогда еще ничего, – Паук поежился. – Только бы не в стиле европейского средневековья. Как они в Европе ведьм проверяли.

– Это как?

– Просто. Связывали и бросали в воду. Выплывет, значит ведьма. Тогда ее на костер. Потонет, значит ошиблись. Тогда похоронят на общем кладбище. Даже в церкви отпоют.

– Да, не богатая альтернатива. Особенно для подозреваемой.

– Европа, – со значением произнес Паук. – Цивилизация. Что ты от них хочешь?!

– Мы, слава Богу, не Европа. У нас должно быть шансов побольше. Хотя бы 50 на 50.

– Ага. Либо Боги примут, либо нет. Это примерно как у блондинки шансы встретить динозавра на улице. Тоже 50 на 50. Либо встретит. Либо нет. А судя по Рахману, наши Боги не самые приветливые. Один Велес чего стоит! Про Мару я даже вспоминать не буду.

– Бог один, что бы Рах там не говорил. И испытание я перед ним держать буду. Моя душа чиста, а значит, за исход мне особо переживать нечего, – уверенно соврал Бригадир.

– Ага, ты это Раху скажи, – донеслось с кресла. – Он нас не в церковь, а на капище поведет. Там другие Боги живут.

Паук еще сильнее укутался в плед, шурша и отдуваясь, как старый еж, и продолжил.

– Тебе хорошо, а я боюсь. Я за последнее время столько увидел, что умирать очень не хочется. Страшно.

– Никто не умрет. Не скули, – Бригадир развернулся и посмотрел прямо в глаза своему товарищу, – это Испытание, а не убийство. А если хочешь отказаться, то придумывай текст. Только быстро. Рах идет.

Рахман влетел стремительно. Собранный, серьезный, сосредоточенный. Дал на сбор минуту, после чего буквально вытолкнул Бригадира и Паука за дверь. На ожидавшей у подъезда машине, они выехали за город. У кромки леса остановились, отпустили таксиста и углубились в чащу. Шли довольно долго. Рахман буквально бежал впереди, периодически оборачиваясь, чтобы обругать, высмеять или подогнать своих учеников. Бригадир был опытным туристом. Он хорошо знал и чувствовал лес и умел в нем перемещаться. В этом деле ему не было равных. За его способности ребята в свое время «егерем» прозвали. Но до умений

Рахмана ему было как до Пекина на четвереньках, спиной вперед и со связанными руками. Тот ходил по лесу как по дороге. Ему не надо было смотреть под ноги. Он знал, где выходит корень, или лежит ветка. Двигался быстро, бесшумно, словно просачиваясь между листьями, не задевая их. Бригадир при всех своих навыках никак не мог поспеть за товарищем. Однако его отставание было практически незаметным на фоне Паука. Тот передвигался с грацией и проворством асфальтоукладчика, и примерно с такой же скоростью, хотя очень старался идти след в след. В очередной раз споткнувшись или напоровшись на ветку, он чертыхался, делал страдальческое лицо и просил снизить скорость.

В чаще было относительно спокойно. Лес обрастал седой бородой тумана. Воздух был тяжелый, влажный. Ветра не ощущалось совсем, хотя, судя по тому, как раскачивались и шумели деревья, было件нятно, что наверху бушует стихия. Казалось, что чьи-то огромные руки хотят вырвать деревья с корнем, стереть их в прах. Вдруг впереди вспыхнула полоса света. Туман рассеялся и вскоре они вышли к лесному озеру. Вешние воды и недавние проливные дожди подняли уровень воды до критической отметки, практически полностью залив видневшуюся впереди обветшалую дамбу. Друзья прошли вдоль берега не больше 10 метров, как сильный порыв ветра чуть не скинул их с дороги, скребанул упругим крылом по реке. Испуганные мелкие волны затанцевали вокруг. Спряталось, точно провалилось, в толщу туч солнце, и тревожный полумрак окутал озеро. Глухо ударил далекий гром. В нем еще не было ярости и гнева, казалось, спросонья заревел медведь в еловых зарослях. Красные проблески молний прошили тяжелую громаду туч. Грянул раскатистый гром. Могучий вихрь ворвался в гущу леса, поломал, пощипал несколько деревьев, искрошил, стер со стволов сухие сучья, наклонил, втоптал в воду прибрежные кусты. Река забурилась, заревела, крутанулась в тесных берегах и будто раскололась на две половины. Ливень обрушился на плечи и голову с такой мощностью, что Бригадир согнулся, оглушенный, одуревший от грохота и шума льющейся воды. Рахман посмотрел на небо и радостно усмехнулся.

– Боги ждут. Пора, – довольным голосом прокричал он и почти побежал вдоль берега. Остановился он у старой плотины перед глубоким оврагом, в который должна была сбрасываться лишняя вода из озера. С этой целью в овраг была выдвинута толстая труба, которая, однако, явно не справлялась со своей функцией, скорее всего по причине банального засора. А может быть бобры решили там устроить свою плотину. Кто знает? Вместо мощного потока из коллектора проистекал лишь маленький ручеек. Метрах в 20 от дамбы на дне оврага был установлен круглый шалаш с дырой в крыше. Над этой дырой на толстой веревке, перекинутой через ветку, был подвешен тяжелый пень.

– Мы пришли, – торжественно произнес Рахман, – здесь наше капище. Вот Макошь, – Рахман поклонился в пояс грубообтесанному идолу, обернутому полотном с вытканым перевернутым ромбом. Ученики повторили поклон наставника. – Вот ее помощницы – Доля и Недоля, – Рахман поклонился в пояс еще раз. – Остальные внутри. Первым пойдет Бригадир. Паук идет к дамбе и ждет своего часа. Понятно?

Паук кивнул и медленно побрел назад, бормоча что-то себе под нос. Рахман повернулся к Бригадиру:

– Приготовься и заходи.

Бригадир постоял еще немного перед входом, приводя мысли в порядок и собираясь с силами, и шагнул внутрь. В шалаше царил полумрак. Густо чадили два самодельных светильника. Посередине, на очищенной от травы и плотно утрамбованной площадке стояло три больших чур с вырезанными суровыми ликами. Рахман поднес Бригадиру чашу с каким-то густым варевом. Бригадир содрогнулся от отвращения, сделав первый глоток, но потом с жадностью допил все остальное. Ему в последнее время не раз приходилось принимать от Рахмана различные отвары психоделического свойства. Этот напиток оказался на вкус вполне приемлемым. По крайней мере в нем не было той запредельной горечи, которой грешили

почти все «коктейли» наставника. Не успел Бригадир разобраться, как следует, в своих ощущениях, как Рахман набросил на него покрывало и запел. Слов было не разобрать, но они были и не нужны. Бригадир слышал только низкий горловой звук. Такой звук издают северные шаманы и даосистские монахи. Он повис в воздухе, обволакивал, забирался в мозг, в позвоночник, вызывая неприятные ощущения. Однако вскоре дискомфорт прошел. Появилось состояние легкости, отрешенности от земных забот, когда даже собственное тело кажется чужим, а освобожденный дух парит в небесах в поисках Правды, доступной лишь тем, кто в состоянии ее понять. Рахман сдернул покрывало с головы.

– Перед тобой три одинаковые веревки, – сказал он. – Возьми масло, облей и подожги все три.

Бригадир взял бутылку с маслом, пролил все три веревки по очереди и поджег все, начиная с средней.

– Теперь ступай к идолам, – приказал Рахман. – Всмотрись в их лики, прислушайся к себе и встань там, где подскажет твое сердце.

Бригадир подошел ближе и всмотрелся в грубо высеченные строгие лица. Рахман не торопился. В какой-то момент Бригадиру показалось, что один лик дрогнул и хитро подмигнул. Бригадир почувствовал сильное желание подойти ближе, прикоснуться к дереву, ощутить мощь старого Бога. В это время за его спиной раздался хлопок. Похоже, порвалась первая веревка. У дальней стены зашуршало и в светлый круг светильников вползла большая гадюка. Она медленно, но упрямо ползла к тому месту, где стоял ничего не замечающий Бригадир. Она была уже совсем рядом, когда раздался второй хлопок. Сверху послышался треск сучьев и из отверстия в крыше свалился здоровый пень, похоронив под собой гадюку. Бригадир вздрогнул, словно очнувшись, изумленно посмотрел по сторонам.

– Вставай, – донесся до его сознания голос Рахмана. – Боги сказали свое слово. Указали путь. Отныне Перун твой заступник. – Рахман перевернул пень и извлек из под него обезглавленную гадюку, – Ты воин и мой приемник. Я беру тебя в ученики.

Рахман заставил Бригадира встать на колени прямо перед идолом, широко раскинув руки и подняв голову к небесам, и петь мантру силы. Сам поклонился, достал свой нож и, полоснув по ладони, начертал своей кровью на лбу и груди Бригадира несколько символов. Не прекращая петь, он зашел сбоку и занес свой кинжал для удара. Губы его беспрестанно шевелились, кровяной потек чернел от запястья до локтя. Откуда-то пришло понимание, что Рахман собирается вскрыть грудную клетку и достать его сердце. Но эта затея не вызвала у Бригадира отрицательных эмоций. Более того, он считал действия учителя правильными и, даже необходимыми, и ждал смертельного удара с каким-то безумным восторгом.

Рахман громко вскрикнул и нанес резкий, мощный удар. Острый клинок пронзил грудь и вонзился в позвоночник. Боль стегнула по нервам словно огненным кнутом. Рахман вынул из развернутой груди еще трепещущее сердце и прямо перед глазами Бригадира начертал на нем Знак. Еще одно заклинание, и Знак замерцал, потом загорелся ровным синеватым пламенем. От него запылало все сердце. Рахман опять громко крикнул и резким движением вложил горящее сердце обратно. Новая вспышка боли растеклась по венам весенним половодьем. Но одновременно с болью пришел неистовый восторг, и Бригадир закричал. Он был невероятно счастлив. По телу пробежала сладкая судорога. Один длинный потрясающий оргазм...

Очнулся он уже за пределами шалаша. Рахман пристально смотрел прямо в глаза, крепко держа его за плечи, и улыбался. Бригадир дернулся. В голове яркой вспышкой взорвались воспоминания. Он судорожно ощупал свою грудь. Вдоль всей грудины шел глубокий кровотокающий порез.

– Что это было? – испуганно спросил Бригадир. – Значит, это все правда? Все было на самом деле?

– Все прошло хорошо, ученик, – сказал Рахман, довольно улыбаясь. – Перун принял тебя. Теперь твоя стихия огонь. Гори сам и жги скверну. Да будет путь твой ясен и светел. Пошли наверх. Тебе отдохнуть немного надо.

Между тем дождь перешел в настоящий ливень. Лес стонал, содрогался перед напором воды, что лилась и лилась с небес. Огненной косой махала над лесом гроза. Гром бухал совсем рядом. Яркая ветвистая молния расчертила небо прямо над головой, выхватив из сгущающихся сумерек лик Макоши, и ударила со всего размаху прямо в толстое дерево, нависающее над плотиной. Раздался страшный треск, и тяжелый ствол рухнул прямо на дамбу. По оврагу побежала вода. Рахман и Бригадир поднялись чуть повыше и увидели, как со стороны плотины бежит Паук. Он что-то кричал, размахивая руками, но его слова тонули в грохоте раскатов грома и шуме ливня. Паук, не глядя по сторонам, заскочил в шалаш, и тут плотину прорвало. Освобожденная вода, размывая дамбу, хлынула вниз. Маленький ручеек, вытекавший из закупоренной трубы, моментально превратился в бурный поток, сметающий все на своем пути. Двухметровая волна озерной воды вперемешку с грязью, ветками, листвой и прошлогодним мусором снесла шалаш, даже не заметив препятствия. На поверхности показался взъерошенный Паук, побелевшими пальцами вцепившийся в идола. Его глаза обрели страшного диаметра размер. Рот издавал звуки похожие на рев реактивного самолета перед преодолением звукового барьера. Сзади от напряжения парусились широкие штаны. Не прекращая орать, он, словно заправский сёрфер, устремился вниз, периодически натываясь на торчащие коряги и совершая головокружительные кульбиты. На его шее на манер живого шарфа развевалась толстая перепуганная змея. Рахман и Бригадир, стоя на вершине оврага, с изумлением наблюдали, как их непутевый товарищ, храбро оседлав Бога, уносился в неизведанную даль. Когда наваждение спало, он уже скрылся за поворотом. Рахман и Бригадир бросились за ним.

Паука нашли довольно быстро. Его прибило к берегу метрах в пятидесяти от шалаша. Он сидел у корней раскидистого пня в обнимку с идолом. Рядом с ним, свернувшись в клубок, лежала огромная змеюка. Увидев приближающихся людей, она скрылась в кустах. Вид у Паука был озадаченный. В волосах и жидкой бороденке запутались ветки, от чего он стал похож на облысевшего, вылезшего из канализации ежика.

– Я хотел предупредить, – виновато произнес он, – Я думал трубу прочистить... Я не хотел... А потом змеюка эта... Я поначалу испугался, а она шипит, словно предупреждает о чем. А потом бах! Я бегом! Думал вы еще внутри. А вас нет... А потом оно как ударит... И змеюка эта на идоле. Я за него. А куда деваться...

Он что-то лепетал еще. Несвязно, неразборчиво. Но Рахман не слушал. Он подошел к идолу, поднял его, прислонился лбом и простоял так минут пять. Потом оторвался, повернулся к Бригадиру и произнес:

– Помнишь, я говорил, что из испытания есть только два пути? Так вот забудь. Теперь есть третий. Паук нашел.

Он подошел к что-то бормочущему Пауку и произнес торжественно:

– Испытание пройдено. Боги сказали свое слово. Указали Путь. Ты избранник Велеса. Но не только его. Боги благоволят тебе. Триглав твой символ. Я беру тебя в ученики.

Глава 2

Обычный день в студенческом общежитии пролетел буднично и незаметно. Его сменил спокойный вечер. За ним пришла ночь. Пронзительно дребезжа, на потолке замигали могильным синим цветом лампы дежурного освещения. Завершив ритуал сбора дани с неурочных постояльцев, ушла домой строгая комендант здания. Проснулись отдохнувшие за день студенты. Из приоткрытых дверей загремела так называемая музыка. Народ приступил к нехитрым развлечениям в меру своего понимания веселья. То есть начал пить. Ближе к полуночи в коридоры выползли мрачные, нетрезвые личности в поисках халявного спиртного и приключений. Они ломались во все двери подряд, приставали, задирались, провоцировали на драку. Но одну дверь на втором этаже почему-то обходили стороной, даже понижали голос, если случайно оказывались в зоне ее видимости, хотя ничего особенного в этой двери не было, если не считать постояльцев, которые поселились там с недавнего времени. Трое мужчин дикова-той наружности вели себя спокойно и даже нелюдимо. Они не пили, ни с кем не разговаривали. Уходили на рассвете, приходили поздно вечером и немедленно ложились спать и очень не любили, когда кто-нибудь мешал им в этом благородном занятии. Буквально на вторую ночь после их заселения, группа местных крутых парней, полагавших, что они «держат» весь район пришли знакомиться. На стук в дверь вышел средних лет мужчина с седыми волосами и вежливо попросил не шуметь, потому что его товарищи устали и отдыхают. Местные, привыкшие принимать вежливость за слабость, полезли в бутылку, в результате чего пять человек вышло в окно. Ребята не поняли, сгоняли за подмогой, и уже десять человек украсили клумбу под окном общежития, а вежливый седой мужчина, спрыгнув за ними, подходил к каждому и, ломая палец, не повышая голоса, делал устное внушение о необходимости соблюдения режима дня. С тех пор у дверей комнаты, да что там у дверей, во всем крыле общежития, установился строгий порядок и режим дня.

Обычно в столь поздний час постояльцы уже спали, но сегодня в их комнате горел свет, а из-за двери доносилась оркестровая музыка и приглушенная речь. Послушать, о чем говорили за дверью, желающих не нашлось, но если бы таковые сыскались, то они были бы сильно удивлены услышанным.

– Сегодня знаковый день. Сегодня было произнесено Слово. А это значит, что нет больше Руслана Бригаднова и Коли Паукова. Они умерли, ушли в небытие. Но сегодня родились два волхва, два воина, для которых нет другой цели, кроме как жечь скверну, уничтожать черное колдовство, у которых нет иного пути, кроме пути Правды, у которых нет иных законов, кроме заветов Богов наших. Теперь мы с вами не просто друзья или соратники, теперь мы связаны клятвой. Запомните каждое слово, прочувствуйте его, попробуйте на вкус, на слух, на запах... Теперь клятва у нас в крови. Ничто не сможет разорвать ее. Любое отклонение или непослушание, даже в мыслях, будет караться строго и незамедлительно. К сожалению, современный мир для меня все еще остается загадкой, я не понимаю его, не чувствую, но я

вижу, что за Ночь скверна разрослась и окрепла. Как и предрекал Яга, скверна залила мир с головой. Люди забыли свое божественное происхождение и изливаются в грязи. Черное колдовство правит миром. Колдуны везде, они стоят за большинством нынешних правителей. Я не знаю, куда смотрят волохи, и остались ли они вообще, но ситуация критическая. Работы у нас много. Поэтому учиться будем на практике. По ходу действий. И ускоренными темпами.

– Это воодушевляет, – подал голос второй постоялец. – И куда нам путь держать? Нас ищут, и рано или поздно найдут. Мы не сможем вечно по таким дырам слоняться. На сегодняшний день мы вне закона. Документов нет. Деньги вот-вот закончатся. За границу не свалишь. Всегда есть риск, что на первом же посту ДПС заметут, а зная Раха, уже через месяц всех силовиков страны по тревоге поднимут, чтобы нас отловить. Это же просто чудо, что он еще ни одному менту голову не открутил.

– Ему некогда было, – подал голос третий постоялец, – он нас воспитывал. Но он скоро исправится, поголовье ментов и прочей нечисти сократиться в разы. К такому очищению страна еще не готова, ты прав. Нас повяжут...

– Весьма вероятно, и довольно быстро. Посему предлагаю следовать первоначальному плану. Сначала на Донбасс. Там как раз самая заваруха начинается. Там чудачества Раха не так заметны будут. Да и скверны сейчас там повышенная концентрация. Там себе и ксивы добудем. Уже украинские. На войне всегда проще затеряться. А дальше по обстоятельствам.

– Я не очень хорошо понимаю, ты о чем, – задумчиво произнес старший, – но я тебе доверяю. Что делать надо?

– У меня в принципе все готово. Пару звонков, и хоть завтра в поход.

– Быть по сему. Звони. А сейчас я покажу новое упражнение....

Глава 3

Утомленный день медленно-медленно подходил к концу. От границы к Донцу ползли лохматые тени, мягко и осторожно, ощупывая заброшенные поля. Еще не старый, но уже изрядно разбитый «Рено», сноровисто бежал по изрытой ямами и выбоинами дороге. Война еще не докатилась до этих мест, хотя ее гулкое, раскатистое эхо уверенно носилось по окрестным дворам, улицам и поселкам. Здесь еще не было ни уродливых воронок, грязными оспинами покрывающих землю, ни неровных линий окопов, ни блиндажей... Не слышался лязг военной техники, крики и беззлобная ругань, грубые шутки и натужный смех здоровых молодых парней и зрелых мужчин, готовящихся дать решительный бой врагу, вознамерившемуся с помощью танков и пулеметов установить свои порядки на их земле. Все это осталось там, на блок-постах, где ополченцы задумали принять бой с и тем самым дать возможность своим семьям уйти. Там, на изрытом, исковерканном поле казачий атаман с позывным Батя оставил своих казачков, включая эту странную тройцу: двух сильных, битых жизнью ветеранов и одного рыжего нескладного паренька с живым, вечно недоумевающим взглядом и повадками сумасшедшего ученого-маньяка. Они появились внезапно, хмурые, уставшие, без документов, со свежими шрамами на обветренных лицах. От этой тройцы пахло пылью дальних дорог, кровью, тайной и большими неприятностями. Это старый атаман понял сразу. Будь его воля, он ни за что бы не стал связываться с этими ребятами, но есть просьбы, в которых отказать нельзя. Это был тот самый случай. За них попросил старый друг, в свое время не раз спасавший атаману жизнь. Видимо, настало время возвращать долги. Поэтому Батя их принял и разместил в дальнем гостевом домике на своей базе, которая в последнее время использовалась в качестве перевалочного пункта для многочисленных добровольцев, желающих воевать на стороне «русского мира» на Донбассе. В качестве первого проверочного мероприятия Батя загнал новых постояльцев в баню, где рассчитывал проверить их на предмет наличия на теле наколок, шрамов и других материальных следов прожитых лет. Такого рода отметины могут многое рассказать о собеседнике опытному человеку. Увиденное в парной лишь усилило чувство стремительно приближающегося конца. То, что оба ветерана имеют солидный опыт боевых действий, Батю не удивило. Он это понял сразу по глазам. Теперь его догадки нашли материальное подтверждение. У одного из них на спине остались застарелые следы от ожога. Такие обычно остаются после знакомства с выстрелом из «Мухи». Кроме того атаман заметил следы обморожения ног, какие бывают у альпинистов или людей, побывавших в тяжелых условиях крайнего Севера, а также еще свежие отметины от когтей и зубов дикого зверя, словно его подрала рысь. Каких-либо наколок или других свидетельств уголовного прошлого замечено

не было. Только на груди был выжжен странный знак. Именно выжжен, не выколот. Как клеймо у скота. Второй был среднего роста, поджар и крепок. Его относительно молодое, подвижное лицо резко контрастировало с обильной сединой. Голые плечи были массивные, как валуны, блестящие, а длинные руки, словно кто вырезал из темного дуба – толстые, рельефные, с выпирающими мышцами и сухожилиями. В нем чувствовалась мощь, но лицо оставалось спокойным и даже смиренным. Из особых примет у него был небольшой шрам на левом плече в виде причудливого узора, явно рукотворного, многочисленные следы от грубо заштопанных ножевых и пулевых ранений разной степени свежести, включая совсем недавние, еще незажившие раны, а также, как и у остальных товарищей, отметины от зубов и когтей крупного хищника. Самый молодой из этой троицы – долговязый, нескладный рыжий парень меньше всего походил на отчаянного «рубаку», но и он был «украшен» помимо небрежно зашитой глубокой раны на голове, совсем свежим шрамом от мощного удара ножом в живот. На его груди горел точно такой же рисунок, как и у старшего, только в отличие от того, рисунок был вырезан, причем довольно коряво. Складывалось впечатление, что кто-то наспех резал живую плоть грубым, непригодным для таких целей инструментом, от чего часто ошибался и резал снова, прямо поверх кровоточащей раны, а где не получалось, выжигал раскаленным ножом. Это должна была быть чертовски болезненная процедура. Рыжий никак не походил на брутального мачо, добровольно подставляющего свою грудь под садистскую роспись. Значит, это какая-то секта. Причем, ребята в ней, похоже, серьезные. Знают, с какой стороны за шашку браться. Да не просто знают, а берутся, и довольно часто. Эти парни недавно побывали в серьезном переплете. Побывали вместе. Раны у всех получены примерно в одно время и имеют схожий характер, как будто на одной охоте побывали. Только вот кто и на кого охотился – загадка. Загадкой было и то, что имеющиеся у них повреждения должны были поставить их получателей на грань жизни и смерти, в лучшем случае приковать к больничной койке на полгода. Эти же вели себя спокойно, двигались без ограничений, не обращая внимания на разорванные мышцы и неминуемые повреждения внутренних органов. Неужели секта смогла обеспечить своих адептов столь эффективными, а, стало быть, и дорогими, медицинскими услугами? Отрывочные сведения, которые удалось вытянуть из неразговорчивых добровольцев, никак не проясняли ситуацию. Атаман торопиться не стал, но спустя неделю, картина не стала яснее. Наоборот, появились новые загадки. Нет, внешне никаких поводов для беспокойства эта троица не давала: жили тихо, вели себя скромно, алкоголь не употребляли вовсе, распорядок дня соблюдали, от занятий не уклонялись. Вместе с тем шемящее чувство тревоги не покидало старого атамана. Старший из этой троицы с позывным Бригадир знал военное дело не понаслышке и имел практический боевой опыт. Правда, служил давно. Скорее всего, уволился после Чеченской. Возможно, после ранения. Второй с позывным Рахман являл собой самую большую загадку. Он был быстр, силен, вынослив и чертовски находчив и сообразителен, особенно при решении спонтанно возникающих задач. Про себя атаман назвал его Маугли. Остальные бойцы подхватили прозвище. А он и был как Маугли, которого воспитали волки, и лишь недавно эти двое его отловили и смогли каким-то образом приручить. Иначе как объяснить полное незнание реалий и непригодность к современной жизни одновременно с поразительной адаптивностью к условиям дикой природы, звериное чутье и неспецифические для современного человека навыки древнего охотника. Он абсолютно ничего не понимал в технике и электронике, не умел пользоваться бытовыми приборами, даже не знал их название, был абсолютно равнодушен к высокотехнологичным изделиям и восхищался простейшими игрушками. Так, он не проявил ни малейшего интереса к последнему телевизору и прыгал от восторга, как папуас, получивший зеркальце, когда увидел простейший китайский воки-токи. Он с удовольствием посещал все занятия, внимательно слушал инструкторов, вопросов практически не задавал. А по вечерам его товарищи долго, терпеливо и подробно переводили ему слова инструктора на язык для дебилов. При этом кем – кем, а дебил он точно не был. Наоборот. Он обладал острым, живым

умом, был крайне въедлив и всегда старался докопаться до самой сути, доводя порой своими наивными вопросами до белого каления. Зато в вопросах выживаемости в диких условиях, а также по разведывательно-диверсионной тематике ему не было равных. Он обладал поистине волчьим чутьем. По запаху и шуму шагов мог определить не только направление, но и расстояние, а также количество и примерную силу приближающегося противника. Лес знал лучше самого Лешего, а передвигаться по нему мог как волк, быстро, тихо, абсолютно незаметно. Ни один листик не дрогнет. Ни одна веточка не хрустнет. Он просто делал шаг в сторону и растворялся в чаще. Как будто и не было его вовсе. Следы читал как открытую книгу. Знал голоса всех птиц и зверей и умел с ними общаться. Маугли он и есть Маугли. Было видно, что он прирожденный воин. Хотя практики было явно недостаточно. Но учился очень быстро. Все схватывал на лету. Автомат освоил быстро, пользовался умело, но не любил. Предпочитал холодное оружие: ножи, дротики, топоры он метал лучше и эффективнее, чем большинство стреляет. Однажды он увидел в каморке у атамана старый, но еще крепкий блочный лук, который в свое время подарили атаману на день рождения. Лук был тяжелый, неудобный. Стрелять из него толком никто не умел, да и стрелы потом из мишени вытаскивать, то еще удовольствие. Лук быстро надоел, и его забросили в дальний конец каморки. Рахман как увидел этот лук, так аж затрясся весь. Глаза горят, слюна потекла. Вокруг атамана разве что с бубном не плясал. Уговаривал продать. Батя из вредности покочевряжился немного, а потом отдал. Просто так отдал. От сердца. Рахман принял подарок с благоговением, бережно и аккуратно. Его глаза светились неподдельным счастьем, как у ребенка, получившего от Деда Мороза долгожданную игрушку. Глядя на Рахмана, суровый атаман чуть не прослезился от умиления. Он уже изрядно подзабыл, как это приятно – делать подарки. Видя искреннюю радость, восторг, благодарность, сам испытываешь ни с чем не сравнимое удовольствие, словно Бог согрел тебя своим добрым светом... Увы, такое бывает не часто, и, к сожалению, почти всегда с детьми. Может быть потому что, взрослея, мы грубеем душой, теряем искренность, учимся врать, изворачиваться, прятаться... Жаль. Атаман улыбнулся нахлынувшим воспоминаниям. Он вспомнил, как ласково Рахман погладил ложе, опробовал тетиву. Как пытался сформулировать слова благодарности, но не мог, от того смущался и замолкал. Как он быстро уходил, бережно прижимая к груди свое сокровище, словно боясь, что Дед Мороз передумает и заберет подарок обратно, стремясь уйти как можно дальше и там, в тишине, остаться один на один со своей мечтой. Как пропадал потом почти сутки. Как потом вернулся, довольный как слон после трехведерной клизмы. Принес лук, тщательно отполированный, в специальном чехле, и колчан со стрелами. Он молча подошел к атаману и отдал мешочек. Как выяснилось позже, в мешочке было три старинных золотых монеты, на каждую из которых можно было купить сотню самых дорогих луков, что лишний раз свидетельствовало об абсолютной непрактичности Маугли. Атаман пытался вернуть монеты, но Рахман наотрез отказался. Он пребывал в прекрасном расположении духа и был готов возлюбить весь мир. Бригадир попросил продемонстрировать свое умение владеть стрелять. Рахман не стал ломаться. Увиденное настолько поразило атамана, что он сильно усомнился в преимуществах современного оружия. С пятидесяти шагов Рахман за три секунды тремя стрелами поразил три средних размеров яблока. При этом применил невиданную технику скоростной стрельбы. Стрелы он держал не в колчане, и не перед собой, как показывают в фильмах, а между пальцами. Движения были быстрыми, но плавными и очень расчётливыми. Закончив стрельбу, Рахман заявил, что он сейчас не в форме, а вот раньше он мог держать в воздухе одновременно до пяти стрел и со ста шагов попадал в воробья. Ну а на последок он добил атамана, поразив цель, спрятанную за «мертвым» препятствием. Он пустил стрелу по очень крутой, почти вертикальной траектории, и что, самое удивительное, попал. После чего он довольно крякнул и заявил, что именно так он выиграл спор у лучшего стрелка Хазарского каганата.

Третий, младшенький, с позывным Паук, был похож на своих старших товарищей как попугай на орла. Те двое были воинами, странными, но явно хлебнувшими военной романтики большой ложкой. На их фоне рыжий юнец казался недоразумением, чуждым элементом, по причудливому стечению обстоятельств втянутым в какую-то большую игру, сути которой он не понимал, хотя играл в нее с полной самоотдачей. Он хвостиком ходил за старшими и выполнял все их поручения. А уж они то его держали в черном теле. Особенно изгалялся Рахман. Он заставлял юношу по четыре – пять часов в день заниматься странной гимнастикой, напоминающей причудливую смесь йоги, кунг-фу и фехтования. Получалось у рыжего плохо, поэтому Рахман все время ругался, а иногда и бил своего ученика, от чего тот всегда ходил со свежими синяками и ссадинами. Доставалось ему и от Бригадира, но в значительно меньшей степени. Но рыжий не обижался и с удвоенной энергией брался за выполнение странных, находящихся на грани идиотизма, заданий. При этом рыжий постоянно экспериментировал и проявлял инициативу, за что также бывал частенько бит. К военной науке юноша был неспособен в принципе. Оружие не любил, выстрелов боялся, боли не терпел, от вида крови падал в обморок. К дисциплине не приспособлен генетически. При этом нельзя сказать, что он не старался. Старался, и даже очень. Но по своей натуре он самое простое и очевидное распоряжение трактовал по-своему, пропуская все приказы через оригинальную призму своего восприятия действительности. Атаман был уверен, что если ему поручить при помощи одного ведра сделать двенадцать одинаковых куличиков, то через несколько минут воодушевленной работы он выдаст двенадцать оригинальных строений лишь отдаленно напоминающих заданный стандарт. Оставлять без присмотра это ходячее недоразумение было крайне опасно. За неделю пребывания в лагере он умудрился сжечь две палатки (его по незнанию оставили за кострового во время полевого выхода), полностью разрушить старый сарай (прослушав лекцию, он решил изготовить взрывчатку самостоятельно) и сломать макет пулемета (как он умудрился это сделать, до сих пор остается загадкой). Теперь этот чудик роет окоп у пятой лунки. Ох, он им там понастроит, сохрани Господь его душу. Ни один враг не разберет.

Плавный поток размышлений атамана был безжалостно прерван резким торможением и болезненным прыжком в неудобном кресле. Зубы лязгнули со стальным звуком, едва не отхватив пол языка. Пропитанная потом кубанка, скользя по гладко выбритому черепу, сползла на глаза, лишив возможности визуального восприятия действительности. Что-либо поправить атаман не мог, ибо был вынужден максимально раскорячиться на кресле, чтобы хоть как-то смягчить болезненные удары о выступающие части кабины. Совершив несколько зубодробительных прыжков, машина остановилась. Батя еще несколько секунд посидел, замерев в нелепой позе, потом медленно сполз на кресло, поправил кубанку и в ярких образах охарактеризовал водителю его манеру езды. Тот в долгу не остался и в тех же доходчивых и сугубо народных выражениях объяснил, что виноват не он, те, кто не ремонтировал дороги все двадцать три года незалежности, от чего они стали похожи на танковый полигон. Атаман не обиделся. Он знал, что это правда. Несмотря на то, что в война пока не задела этих мест даже краешком, ни один снаряд не упал на окрестные поля, ни один танк не поломал асфальт своими гусеницами, передвигаться по местным дорогам было крайне затруднительно и очень травмоопасно как для пассажиров, так и для техники: глубокие ямы и выбоины, крошеный асфальт, а кое где и полное отсутствие полотна превращали обычную поездку в незабываемое приключение полное опасностей и разных неожиданностей и с непредсказуемым финалом. Счастливицам удавалось отделаться парой синяков и ссадин и мелким ремонтом подвески. Остальные несли более чувствительные потери. Атаман с водителем дважды обошли свой минивэн и с приятным удивлением констатировали, что серьезных повреждений нет, а подвеску все равно перебирать надо было (прокушенный язык и ушибленный позвоночник в боевой обстановке за ранение не считаются). Казаки уже было собрались продолжить свой путь, как вдруг заметили, что на обветшалой автобусной остановке, метрах в тридцати, сидит пожилая жен-

щина. Как она тут оказалась? Что ждет? Или кого? Как добралась? И как уезжать собирается? Автобусы тут, почитай, недели две не ходят. Атаман кивнул водителю, чтобы остался, мало ли что, а сам, не спеша, направился к женщине. Подойдя ближе, снял кубанку, слегка поклонился и произнес:

– Доброго здоровья, мать. Ты зря автобуса ждешь, его не будет уже. Если тебе в город, то садись к нам. Подвезем.

– И тебе не хворать, хлопчик, – спокойно ответила женщина, слегка улыбаясь. – Благодарствую, конечно, но я с вами не поеду. Тут посижу.

– А что так, мать? Али ждешь кого?

Женщина внимательно посмотрела на казака, поправляя выпавшую из под платка седую прядь, и произнесла старческим дребезжащим голосом.

– Сынка жду. Он обещал прийти скоро. Вот я и жду, чтобы не пропустить случайно. Он меня домой и отведет. А выезжайте, хлопцы. У вас дел много. Я старая. Мне все равно где ждать.

– А где сын то твой?

– Вестимо где, ушел со всеми. Сказал, что вернется скоро. Я ему по телефону звоню, а он не доступен. Может сеть не ловит, может еще чего.

– А ты сама-то откуда, мать?

– Здешняя я. Вон там моя хата, – женщина махнула в сторону видневшейся деревни. – Я тут, почитай, каждый день сижу. Как бы не проехал сынок мой.

– А как зовут сына твоего, – атаман сел рядом, – мы только оттуда. Да и завтра опять поедem. Может, передадим чего.

– Андрей его зовут, Степаненко, – женщина вопросительно посмотрела на атамана. Ее глаза светились надеждой и любовью. Однако во всей ее фигуре, позе, повороте головы, опущенных уголках губ сквозила тревога, страх, неуверенность и немая мольба. Атаман смотрел в глаза этой уже далеко не молодой женщине и не знал, что сказать. Соленый ком застрял в горле. Вполне возможно, что ее сына уже не было в живых. Он ничего не слышал про Андрея Степаненко. Это не значит, что его не было, но все-таки. Однако, ему рассказывали, что был какой-то Андрей, разведчик, который не вернулся с задания. Может это он. От того и не звонит.

– Нет, мать, не слышал, – атаман отвел глаза. – А он у тебя кто по воинской специальности? С кем ушел? Кто командир?

– А кто их разберет, кто командир у них. Сейчас кто громче орет, тот и командир. А он у меня тихий, спокойный. По профессии ветеринар, а уж кем там стал, не ведаю. Помнится, он себя разведчиком называл. Да какой из него разведчик?! Срам один. Так ты, милоч. Не слышал про Андрюшку то?

– Нет, мать, не слышал. Ты ж знаешь, там народу много, и все только по позывным известны. Ты его позывного не знаешь чаем?

– Я в ваших кличках собачьих не разбираюсь. Что за время такое?! Вместо имен погоняло себе придумали, и гордятся еще! Я еще Войну помню. Хоть и соплячка была совсем. Так тогда дисциплина была! И уважение! К друг другу по имени отчеству обращались, как у людей. А теперь как в тюрьме! Нет, милоч, моего сына Андреем зовут. Никак иначе.

Атаман запнулся, не зная, что ответить, виновато пожал плечами и произнес:

– Все еще будет, мать. И дисциплина... И командиры настоящие... И имена свои вернем. Вот только бы отбиться. А там заживем по-новому.

Казак задумался на мгновение, потом тяжело вздохнул и, словно решившись на что-то важное, выверенным движением надел кубанку.

– Мать, твой сын в порядке, я уверен. Там сейчас много народу, и в руках у них не рогатки. А блиндажей нарыли столько, что можно год в осаде сидеть. Так что, не переживай, появится твой Андрей. Но уже не сегодня. Я только оттуда еду. Больше сегодня машин

не будет. Это я точно знаю. Так что иди лучше домой. А лучше давай мы тебя довезем. Куда скажешь, туда и довезем.

Женщина улыбнулась как-то по детски, опустила глаза и сказала задумчиво:

– Я в этих краях с детства. Еще города не было, а дом наш был уже. Хозяйство было. Два года тому старик мой помер. Одной с хозяйством трудно. Сестра говорила, продать все и к ней переехать. Она в Новосветловке живет. Но я не поехала. Много ли мне надо? Я крепкая еще! Да и сын помогал. Он ветеринар у меня. Жаловаться грех. Вот только со скотиной уже не справляюсь. Пришлось продать все. Вот сейчас сын ушел. Одна я осталась. Что теперь делать, ума не приложу. Сестра говорит, бросай все и приезжай ко мне. А я не могу. У меня три кота и собака. Старая, брехливая. Но привыкла я к ней. Сроднилась. К сестре с ними нельзя. Там у ребенка аллергия или еще чего, не суть. А без них, куда я поеду? На кого оставлю? Коты еще смогут прокормиться. До зимы точно, а вот Веста сдохнет. Точно сдохнет. Не сможет она без меня-то... Да и Андрюшка ее любит... Так что не поеду я. Тута останусь, подожду. А вдруг Андрюша мой придёт, а меня нету. Он обещал... А вы езжайте. И поаккуратнее там. Берегите себя.

Сказав это, старушка отвернулась и замолчала. Ее взгляд стал отрешенным, задумчивым, как на картине А. Шилова «Одна», которую он видел на выставке в Москве, и которая так поразила его воображение. Старый казак помялся с ноги на ногу и, не зная, что сказать, снял кубанку, поклонился женщине в пояс и тихо произнес:

– Сохрани тебя Бог, мать. И сына твоего. Прощай. Не поминай лихом.

Он резко развернулся и решительным шагом пошел к автомобилю.

– Давай, брат, гони, – сказал он водителю. – Нам еще надо следующий отряд подготовить. Времени в обрез. Я с ними сам пойду. Лично в горло вцеплюсь. За дедов наших, за веру, за землю, за вот эту женщину. За нами Правда. Поехали, брат.

Глава 4

Война это бардак. Всегда. По определению. Точка. Это потом ученые головы, историки, мемуаристы и прочие фантасты будут описывать гениальность замысла, рисовать красивые карты с разноцветными стрелочками, с умными лицами объяснять стратегические задумки полководцев. В жизни все не так. Это пот, грязь, кровь, слезы и непрерывная череда косяков и провалов. Нет, конечно, есть и замысел, и планирование, и полководческий талант. Никто не отрицает. Без этого невозможно выиграть войну или осуществить наступательную или оборонительную операцию. Это правда. Но на практике все упирается в конкретных людей, которые находятся в прямом столкновении с противником, бегут вперед, рвут врага не части, или зубами вгрызаются в землю, ожесточенно дерясь за каждый квадратный сантиметр, обильно поливая эту землю своей кровью. И это не компьютерные человечки, которых можно бросить в бой одним кликом мыши, и они послушно побегут умирать во исполнение стратегического замысла игрока. Это люди. Живые люди. Со своими мыслями, желаниями и страхами. При должной мотивации они могут стать несокрушимой скалой, монолитной стеной, закрывающей путь любому противнику, горсткой спартанцев, как кость в горле застрявшей на пути огромного войска, как наши деды ценой собственных жизней развалившие непобедимую доселе немецкую военную машину под Брестом, Нарвой, Севастополем, Москвой, Воронежем, Смоленском, Ржевом, Сталинградом, Курском... Или же могут побежать, как деревенская шпана от старика сторожа. Так что по жизни получается, что в искусстве войны лучше всех разбирается взводный, ну, может еще, ротный командиры. Это вам скажет любой, кто прошел хоть одну кампанию. Эту нехитрую истину Игорь Викторович, известный в узких кругах широкой общественности под позывным «Сто седьмой», знал очень хорошо. За плечами у него были обе чеченские, Абхазия, Грузия. Когда 107-й слышал рассказы о знаменитой войне 8—8—8, которую наши СМИ выставляют чуть ли не образцом эффективности, он смеялся, как дитя. Сам он никогда не говорил о ней как о «войне, где мы победили», только как о «войне, где грузины просрала». Наиболее сочные эпитеты и комментарии обычно приходились на долю связи. Но об этом знали все. Связистов не ругал только ленивый. Но почему-то мало кто рассказывал, что сорок процентов техники не дошло до Рокского тоннеля, что надежда и опора сердюковской военной реформы гражданские специалисты на войну просто не поехали. Не захотели. Там им неуютно показалось. Что у молодых лейтенантов и контрактников отцы-командиры и «сволочи» особысты замучались отнимать мобильные, ибо те строчили СМСки как гимназистки в период первой влюбленности, и звонили всем, кому не лень, с подробными рассказами, кто, куда и зачем едет. Особысты и командиры, замахнувшиеся на «святое», со своей задачей не справились, в итоге молодежь просто обрушила мобильную связь. Игорь мог часами рассказывать анекдотические истории об особенностях и превратностях использования топо-

графических карт времен второй мировой войны, в результате чего неожиданно для всех был взят Тори. Эти истории сильно смахивали на армейские байки в силу своей запредельной глупости и нереальности, но для знающих людей они были очень похожи на правду, особенно с учетом личностных характеристик военных руководителей тех лет. Достаточно вспомнить не остановленный на период войны переезд ГОУ ГШ, ибо вопросы ремонта здания и освоения бюджета для тех вождей были всегда приоритетней какой-то там войны. Ну а постановка задач по принципу «а давайте разбомбим вон ту хреновину, или взорвем вон тот мост, или этот, на что взрывчатки хватит» была вообще делом привычным. Да еще к таким задачам авиацию привлекали... Да мало ли чего! Обо всем не упомянешь. Но «сто седьмой» был убежден, что это-то как раз и нормально. Тоже самое говорят и про Вьетнам, и про Афганистан, и про Великую Отечественную. Только все эти рассказы не опубликуют в мемуарах, не напечатают в учебниках. Может быть и разберут где-нибудь в специальных работах под страшными грифами, но исключительно в узком кругу профильных специалистов. Элита всегда считала, что неподготовленный разум не способен вынести неразбавленное откровение. Без пояснений мудрость для толпы непостижима. Истину нужно дарить людям в готовом виде. Вот и дарят. Кто-то и может сказать, что боевая задача была сорвана из-за потери связи. Но никто и никогда не расскажет на людях, что связь потеряли из-за того, что прапорщик Хватайбери не выдал новые аккумуляторы для радиостанций. А не выдал он их, ибо с похмелья было лениво переться на дальний склад. Или как всю спецгруппу накрыло градами только потому, что им навязали корреспондента, который не выключил мобильник. С экрана телевизора не объяснишь, что максимально сложный измерительный прибор, который реально работает на поле боя – это глаз, а самый инновационный инструмент, который способен освоить воин – это кувалда и разводной ключ. Что если проводов, которые надо вставить в разъем больше чем один, то на решение этой нетривиальной задачи сообразительный боец потратит недели две, потому как цветная маркировка ему до фонаря, а инструкцию, если она вообще есть, он уже давно использовал по назначению, как водится, не читая. Реальная война это непрерывная череда чрезвычайных происшествий, где если что сможет сломаться, то обязательно сломается, и в самый неподходящий момент. Где если может накосячить, накосячит обязательно. Это аксиома, подтвержденная многовековой практикой. Толковый командир-полководец – это прежде всего организатор, который умеет правильно подобрать и расставить правильных людей, их мотивировать, собрать технику и БК, а дальше запастись коньяком, сидеть и ждать неизбежного. Потому как угадать, как что пойдет, и где чего лопнет и порвется, нельзя. Нужно уметь ориентироваться по обстановке и находить выход из самой глубокой... траншеи. При этом главный и единственный критерий оценки таланта – умение выполнить боевую задачу. В любом случае. Несмотря ни на что. Ибо только так и можно победить. Война – это работа. С неизбежным бардаком и несогласованностью. С гибелью, увечьями. И не только от врага, но и от своих. Частенько именно от своих. Подвиги придумываются потом. Постфактум. Если все сделано, как положено, то подвигов обычно не требуется. Героизм как раз чаще всего следствие чьей-то некомпетентности или провала. Это никак не умаляет подвига конкретного бойца, но это так. Война это не нечто единое, целостное и непрерывное, а последовательность отдельных боестолкновений, в которых основное значение играет умение каждого конкретного бойца, а также личность и подготовка младших командиров, а не убеленные сединами генералы, поскольку потеря связи – неизбежность, а не случайность. В которых никто и никогда не будет ставить подразделения в известность о тактических замыслах штаба. В которых «иди и умри» – есть постановка боевой задачи, а не преступная халатность командования. В которых молодые бойцы набирают опыт только ценой выживания, и никак иначе. Никакие инструкторы и умения не помогут. В которых командиры набираются того же опыта, рыдая над погибшими в одиночку, забившись в дальний угол блиндажа, поскольку для бойцов они должны излучать силу и уверенность, а что внутри все давно уже сгорело, – это его проблемы. Война, она переплавляет людей. Результат

бывает разным, но прошедший эту суровую школу уже никогда не будет прежним. Таких людей ветеран определял по глазам. Было у них у всех во взгляде что-то общее. Какая-то глубина. У кого-то больше, у кого-то меньше, у кого-то светлее, у кого-то темнее, у кого-то на дне затаилась злость, у кого-то жестокость, жажда крови, у кого-то азарт, у кого-то скука и разочарование, а у кого-то любовь и понимание, но у всех тоска боль, надрыв. Именно таких людей выискивал 107-й среди вновь прибывших добровольцев. Именно эти, успевшие нюхнуть боевого пороха бойцы, должны стать основой, опорой для спешно создаваемого им щита, о который должен был обломать зубы раскрученный маховик державной военщины. Этим двоих он заметил сразу. Они выделялись в толпе новобранцев как коршуны в голубятне. Если большинство хорохорилось друг перед другом на разные лады, как голубь перед горлицей, стараясь казаться смелее, умелее, опытней, то этим не надо было казаться. За свою насыщенную жизнь Игорь Викторович повидал многое, очень многое. Не дай Бог кому пережить столько. Ему самому казалось, что его уже невозможно удивить, не то что испугать. Но стоило заглянуть в глаза, как волосы непроизвольно встали дыбом, а по спине побежали предательские холодные мурашки. Из черных провалов глаз на него смотрела сама смерть. Спокойно, холодно и неотвратимо. Взгляд второго был намного теплее и как то человечнее. На лице была ласковая, немного наивная усмешка. Но эта усмешка не могла обмануть старого вояку. Он видел, что этот человек уже давно и бесповоротно перешагнул черту, за которой человеческая жизнь теряет свою ценность. Рядом жался молодой рыжий паренек с восторженно-испуганным взглядом. Со стороны он казался чуждым элементом, щенком, случайно прибывшимся к двум матерым волкам войны, но в глубине зеленых глаз уже плескалась бездна, что говорило о том, что сей невзрачный паренек уже ступил на опасную и извилистую волчью тропу воина.

Игорь неспешным шагом, чтобы сгладить свою хромоту, обошел строй, произнес привычную, давно отретированную приветственно-зажигательную речь. Получилось не очень. Как-то блекло. Без традиционного внутреннего огня. Игорь злился сам на себя, но поделаться ничего не мог. Не было настроения, хоть плачь! А как без настроения людей на подвиги мотивировать? А откуда настрой взять? С утра разболелась нога. Обстановка хуже не придумаешь. Враг уверенно наступает, а сил для организации должного отпора нет. Да и отступать дальше некуда. Позади Камброд – главенствующая высота. С нее город виден как на ладони.

Лимит косяков исчерпан ту же давно. Благодаря «гениальному» руководству новоиспеченных командиров батальона «Заря», который с легкой руки местных острословов уже прозвали «батальоном «Зазря», был сдан стратегически важный город Счастье, в котором находится ТЭС, снабжающая электричеством весь город, и, благодаря чему Луганск погрузился во тьму, обрушилась сотовая связь, прекратили работу насосы, подающие воду населению...

Уже проигран первый бой, в котором счастливы, так и не получив тяжелого вооружения, пытались с автоматами остановить танки. В этом бою героически погиб командир счастливых Батя, труп которого с отрезанными ушами и со следами посмертного насилия «героические» украинские «освободители» вернули совсем недавно...

Уже оставлен мост через Донец, который был заминирован по всем правилам и должен был быть взорван, но, опять же вследствие мудрого руководства «Зари», так и остался девственно чистым...

Уже поступил выдающийся по уровню идиотизма приказ оставить позиции на южном берегу Донца, который, казалось бы, был самой природой создан для обороны. Высокие обрывистые берега, глубокое русло реки, отсутствие бродов позволяло, при наличии соответствующего вооружения сдерживать целую армию. Именно за таким оружием и уехал в «Зарю» командир счастливых. Оружия он не получил. Вместо этого ему представили 107-го, сказав, что он опытный командир и все организует, как надо, и отправили обратно. Когда же они приехали на позиции, то оказалось, что до них приезжали люди из «Зари» и дали приказ отходить к Металлисту. Там 107-й и застал растерявшихся счастливых ополченцев, которым непонят-

ные субъекты, заявляющие, что они были направлены командованием «Зари», отдавали приказ отступать дальше. Дальше отступать было нельзя. Это 107-й понимал очень хорошо. Пришлось разоружить бравых бойцов «Зари» (оружие очень нужно) и отдать приказ готовить позиции здесь. Хотя, конечно, стратегически позиция была не самая удачная, да и прибывшего пополнения явно недостаточно, а качество новобранцев – одни слезы. Опытных военных нет. Так, молодежь не обстрелянная. Как они себя поведут в бою – никто не знает. Вернее знает, но боится признаться даже себе. Ну, может, кроме этой троицы. Атаман, который их привез, понарасказал всякого. Он тогда еще атаману не поверил, мол, быть такого не может. А теперь, когда в глаза им глянул, понял, не врет казак. Мало того, еще и не договаривает. По своему опыту он знал, что такие люди крайне опасны. Они могут либо подняться до запредельных высот, либо рухнуть в пропасть, утащив за собой всех, кто окажется рядом. Середины у них нет. Для таких весь мир лишь арена для деятельности. Их деятельности. Они вершители судеб. Соль земли. Они становятся великими полководцами, совершают перевороты, завоёвывают государства. Они не могут быть за кого-то, только за себя. Это остальные могут выбирать они с ними или нет. Эти же идут всегда своей дорогой. И только своей. Именно они двигают историю: вперед ли, назад, в сторону или под откос, но никогда не останавливаются понаблюдать из укрытия, с безопасного расстояния, как стремиться большинство. Они не могут жить, как живет большинство, в полсилы, в полурадостях. Они горят сами и зажигают остальных, и либо сгорят в этом пламени, освобождая место для нового, либо перестроят мир под себя. Такими людьми он восхищался и боялся их одновременно, и это чувство занозой засело в его душе, не давая сосредоточиться. Командир скомкал свою речь. Наскоро распределил прибывших по подразделениям и подозвал к себе старшего из странной троицы. Подошли все трое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.